

В. В. РОЗАНОВ

Русь и Гоголь

Сегодня в Москве совершается торжественное открытие все-русского памятника Гоголю. Около бронзового монумента первому русскому поэту, великому и несравненному Пушкину, в древней столице поднимается такой же бронзовый монумент и его младшему другу и сверстнику, Украинскому художнику слова, который сделался вторым по значению, по силе и влиянию поэтом всея Руси. Великая и малая Россия через эти памятники, поставленные именно в Москве, этом дорогом «сердце России», сливаются духовно в одно и символически говорят, что есть одна Россия и один русский народ, как одна душа, один голос, одна воля. Гоголь был и всегда хотел быть только русским поэтом, взирая на малороссийство свое, как зрелый человек взирает на свое детство. В самом деле, как «московство» Руси, так и «украинство» южной части ее суть только древние, младенческие и отроческие фазы ее роста, которым принадлежит воспоминание, принадлежит песня и сказка, а не заботливая серьезная действительность. «Хохол» и «хохлушка» остаются и навсегда останутся дорогими, милыми фигурами в русском воображении и представлении, но нет «хохлацкой истории», как и «хохлацкая политика» навсегда останется главою кукольного театра, а несерьезным зрелищем. Великий Гоголь вывел малорусский народ на общерусский путь жизни, сознания и говора: и вопроса, им решенного, им повероченного к северу, не перерешить и не переверотить в другую сторону малорослым, а не малорусским полуписателям и полуполитикам. Его великому русскому сердцу они причиняют несносные обиды.

Но оставим их и обратимся к вечному.

Памятник, открываемый Гоголю в Москве, овещает, бронзирует мысль о Гоголе, утвердившуюся в душе русского народа. Памятник выражает собою, что Гоголь признан как великий учитель, как великий наставник русского народа: ибо только таким людям, с таким значением, Русь ставит памятники. Значение Гоголя необъемлемо, сила духа его сказалась в необозримых влияниях. Нет русского современного человека, частица души которого не была бы обработана и прямо сделана Гоголем. Вот его значение. О подробностях этого значения могут спорить критики, — и они должны спорить свободно, не стесняясь ничем, даже и его величием: но самый тот факт, что эти споры горячо ведутся сейчас о личности, так давно умершей, лучше всего указывают на бессмертие этой личности, на неиссякаемую ее жизненность, несравненное ее обаяние и власть над душою и воображением человеческим.

В Пушкине Русь увенчала памятником высшую красоту человеческой души. В Гоголе памятником она венчает высшее могущество слова. Первый своими поэтическими образами, фигурами «Капитанской дочки» и «Годунова» и своей чудной лирикой точно поставил над головою русского народа, тогда бедного и несвободного, тогда малого и незнаемого с духовной стороны в Европе, точно невидимый венец, как на иконах наших пишется золотой нимб над главами святых. Он возвел в идеал и свел к вечному запоминанию русскую простоту, русскую кротость, русское терпение; наконец, русскую всеобъемлемость, русское всепонимание, всепостижение. Не таков Гоголь, сила его — в другом: необъяснимыми тревогами души своей, неразгаданными в источнике и сейчас, он разлил тревогу, горечь и самокритику по всей Руси. Он — отец русской тоски в литературе¹: той тоски, того тоскливого, граней которого сейчас и предугадать невозможно, как не видно и выхода из нее, конца ее. Не видно результата ее. Он глубоко изменил настроение русской души. В светлую или темную сторону — об этом не станем спорить, не время сейчас спорить. Но бесспорно остается его сила в этой перемене. И эту-то силу Русь увенчивает памятником.

В Пушкине и Гоголе слово русское получило последний чекан. И ни у кого из последующих писателей, не выключая отсюда и Толстого, слово не имеет уже той завершенности, той последней отделанности, какую запечатлены творения этих двух воистину отцов русской литературы. Мысли Толстого или Достоевского — сложнее, важнее. Но *слово* остается первым и непревзойденным

у Пушкина и Гоголя. От этого последнего совершенства слово их получило такую обаятельность и вечность, такую воистину бронзовую монументальность, какой не имели и никогда не получают растянутые, длинные, массивные труды Толстого, Достоевского и прочих русских писателей Серебряного века. Золотым веком русской литературы были все-таки Пушкин и Гоголь². Были и останутся они одни. Русский народ в их сравнительно необильных изданиях получил сокровище вечной красоты; они для жажды его открыли источники вечно живой воды. Все мы учимся по ним. Все с 10 лет, с первого класса русских народных школок, уже воспринимаем в состав души своей нечто из души Пушкина или Гоголя. Это — великое дело. Бронзовые монументы им есть только очень маленькая награда, очень несовершенный дар, какие скромные русские люди, в виде рублей-лент, принесли на могилу этих воистину духовных родителей своих, гигантов-родителей.

Они нас и научили. А по смерти, когда творения их читаются теперь везде, где звучит образованная человеческая речь, они «над бедными селеньями Руси», о которых говорит Тютчев, как бы простерли защищающее крыло Ангела, с запрещающим словом ко всему миру: «Не смей этого коснуться, не смей этого разрушить». И пока в мире звучит пушкинское слово, звучит гоголевское слово, — никто, кроме вандала, глухого, немого и слепого, не занесет над «этими бедными селеньями» меча...

